

18+

Оксана Беляева

Мотисказы-2

Оксана Беляева

Мотисказы-2

«Издательские решения»

Беляева О.

Мотисказы-2 / О. Беляева — «Издательские решения»,

Сборник коротких сюрреалистических рассказов о вещах вполне земных: любви и свободе, страхе перемен, работе, которая съедает жизнь, родителях и детях, привычке, одиночестве, сомнениях, чужих ожиданиях и нашем почти маниакальном желании знать, как правильно. И, возможно, самое удивительное в этой книге вовсе не происходящие чудеса. А то, как быстро среди них узнаёшь собственную жизнь.

© Беляева О.

© Издательские решения

Содержание

Когда весь мир рухнул	6
Вторника не будет!	9
Правильно жить...	13
Комната, в которой никто не жил	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Мотисказы-2

Оксана Беляева

© Оксана Беляева, 2026

ISBN 978-5-0071-0375-6 (т. 2)

ISBN 978-5-0071-0376-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Когда весь мир рухнул

В тот день у Анри рухнул мир.
Он понял это по потолку.

Сначала потолок опустился на два сантиметра. Потом на пять. К полудню люстра уже касалась его волос хрустальными пальцами, словно хотела проверить, жив ли он еще.

Анри сидел за кухонным столом и смотрел, как трещина ползет от окна к шкафу.

В девять утра ему сказали, что больше не любят. В десять банк сообщил, что денег почти нет. В одиннадцать начальник пожал ему руку той особенной рукой, которойжимают руки покойникам и уволенным. К двенадцати трещина дошла до часов.

Часы остановились.

— Ну вот, — сказал Анри. — Всё.

Слово «всё» оказалось тяжелым. Оно упало на пол между его ботинками и проломило паркет.

Из дыры пахнуло сыростью. Анри заглянул вниз. Там лежали его планы.

Они были аккуратно сложены стопками: отпуск в октябре, квартира с большими окнами, воскресные завтраки на двоих, новая должность, красная машина, старость у моря.

Некоторые планы еще шевелились.

Анри отвернулся.

Стены комнаты начали осыпаться. Не быстро. Сначала исчезла фотография. Потом полка. Потом часть стены, возле которой стояло кресло.

Анри не двигался. Он ждал, когда исчезнет остальное. Когда рухнет дом. Улица. Город. Небо.

Потому что если человек говорит себе «мой мир рухнул», мир обязан иметь совесть и рухнуть целиком.

Но мир оказался бессовестным.

За окном ехал автобус. Сосед сверху сверлил стену. На площади торговали апельсинами. Какая-то женщина смеялась так громко, словно Анри вовсе не потерял сегодня свою жизнь.

— Мерзость, — сказал Анри.

Стена напротив треснула. Он даже не поднял головы. Потом раздался грохот. Кусок штукатурки величиной с дверь рухнул на пол.

Анри зажмурился. Вот теперь. Сейчас обвалится всё.

Но ничего больше не произошло.

Он открыл глаза. Там, где еще минуту назад была стена, стояла дверь. Маленькая. Синяя. Совершенно нелепая дверь, которой в этой квартире никогда не было.

Анри подошел ближе.

На двери висела табличка: «НЕ ВХОДИТЬ. У ВАС ВСЁ РУХНУЛО».

Анри кивнул. Разумеется.

Вернулся к столу. Сел.

Через минуту дверь постучала. Именно дверь. Не кто-то за ней. Три аккуратных удара деревом о воздух.

Анри сделал вид, что не слышит.

Дверь постучала снова.

— Отстаньте.

Тишина.

Потом из-за двери донесся запах моря. Анри вздрогнул. Не того моря, возле которого они собирались состариться. Другого. Он такого не знал. Там пахло солью, мокрыми камнями, кофе и чем-то еще, чему у Анри пока не было названия.

Он подошел к двери. Взялся за ручку. Отдернул руку.

— У меня всё рухнуло, — сказал он.

Дверь молчала.

— Вы понимаете? Всё.

За дверью кто-то засмеялся. Не над ним. Просто там кому-то было смешно.

Анри рассердился и распахнул дверь.

За ней не было коридора. Там был город. Незнакомый. Слишком солнечный.

По улице шли люди, которые не знали ни его начальника, ни женщину, разлюбившую его утром, ни сумму на его банковском счете. На углу стояло кафе. За дальними домами блестело море.

Анри долго смотрел. Потом обернулся. Его квартира действительно была разрушена. Но теперь он увидел странную вещь. Рухнула только одна стена. Кухня была на месте. Окно было цело. Пол тоже. Даже часы снова пошли.

Анри почему-то был уверен, что погиб весь дом. Потом — весь город. Потом — вся его жизнь.

А исчезла всего лишь стена. Одна проклятая стена, на которой он зачем-то развесил всё, что считал своим будущим.

Анри перешагнул через куски штукатурки. В дыре под столом еще копошились старые планы. Он не стал их доставать.

— Но я ведь ничего не знаю о том, что там, — сказал он двери.

Дверь, конечно, не ответила. У дверей отвратительная привычка оставлять решения людям.

Анри посмотрел на незнакомую улицу. Потом на свою комнату. Потом снова на улицу. И впервые за весь день ему пришло в голову, что стена, возможно, рухнула не потому, что миру пришел конец. Возможно, она просто слишком долго загораживала выход.

Он шагнул наружу. За его спиной дверь захлопнулась.

А через секунду на ней появилась новая табличка: «СТЕНУ НЕ ВОССТАНАВЛИВАТЬ».

Вторника не будет!

В понедельник утром бухгалтер Семён Аркадьевич обнаружил в своей квартире ещё один понедельник.

Первый понедельник уже находился на кухне, где вполне исправно кипел чайник, радиоприёмник обещал похолодание, а жена Семёна Аркадьевича, Лидия Павловна, требовала немедленно вынести мусор.

Второй понедельник сидел в прихожей на табуретке.

Это был плотный господин неопределённого возраста, в сером пальто и с портфелем на коленях. На голове у него помещалась шляпа, совершенно не подходящая к сезону.

— Вы к кому? — спросил Семён Аркадьевич.

Господин снял шляпу.

— К вам.

— По какому вопросу?

— По вопросу вторника.

Семён Аркадьевич немедленно насторожился.

С вторником у него были планы.

Во вторник он собирался получить премию, вечером зайти в гастроном, а после ужина сообщить жене, что на майские праздники они никуда не поедут, поскольку поездка к её сестре в Калугу является, по его мнению, мероприятием экономически необоснованным.

— А что со вторником?

— Не будет.

— Как это не будет?

— Обыкновенно. Сегодня понедельник. Завтра тоже понедельник. Потом, если ничего не изменится, вероятнее всего, снова понедельник.

Семён Аркадьевич почувствовал, что разговор приобретает неприятный характер.

— На каком основании?

Господин полез в портфель и достал бумагу. На ней стояла круглая синяя печать и было написано: «Ввиду неудовлетворительного использования гражданами предоставленного времени дальнейшая выдача последующих дней временно приостановлена».

— Это безобразие, — сказал Семён Аркадьевич.

— Возможно.

— Мне завтра премию получать!

— Не получите.

— Почему?

— Потому что завтра не наступит.

Из кухни появилась Лидия Павловна.

- Семён, ты с кем разговариваешь?
- С понедельником.

Лидия Павловна посмотрела на мужа. Потом на господина.
— Опять?

- Семён Аркадьевич побледнел.
- В каком смысле «опять»?
 - В прошлый четверг ты уже разговаривал с холодильником.
 - Холодильник первый начал.

Господин в сером пальто одобрительно кивнул.
— Техника нынче распушенная.

- Лидия Павловна махнула рукой и ушла на кухню. Семён Аркадьевич сел напротив гостя.
- Хорошо. Предположим. Что нужно сделать, чтобы наступил вторник?
 - Использовать понедельник.
 - Я его использую.
 - Нет.
 - Я иду на работу.
 - Это не использование понедельника. Это привычка.
 - Я составляю отчёты.
 - Привычка.
 - Обедаю в столовой.
 - Привычка.
 - Возвращаюсь домой.
 - Привычка.
 - Смотрю телевизор.
 - Особенно привычка.

Семён Аркадьевич рассердился.
— А что же, по-вашему, я должен делать?

Господин пожал плечами.
— Понятия не имею. Ваш понедельник, вы и разбирайтесь. — После этого он надел шляпу, открыл дверь и исчез. Не вышел. Именно исчез. На табуретке остался только портфель.

Семён Аркадьевич некоторое время смотрел на него, затем осторожно открыл. Внутри лежали дни. Сверху был вторник. Под ним среда. Дальше четверг, пятница и несколько воскресений.

Субботы не оказалось. Это Семёна Аркадьевича почему-то особенно возмутило.

Он взял вторник двумя пальцами. Вторник был тёплый. Пах мокрым асфальтом, кофе из автомата и какой-то лёгкой надеждой, которую Семён Аркадьевич не испытывал уже лет пятнадцать.

Из кухни снова выглянула жена.
— Ты мусор вынес?

— Нет.

— Конечно.

Семён Аркадьевич хотел привычно ответить, что вынесет вечером. Но вдруг посмотрел на Лидию Павловну. Она стояла в старом халате, сердитая, растрёпанная, совершенно родная и почему-то постаревшая сильнее, чем он успел заметить.

— Лида.

— Что?

— Поедем в Калугу.

Она прищурилась.

— Ты заболел?

— Возможно.

— Температура есть?

— Вторника нет.

— Чего?

— Ничего. Потом объясню.

Он взял мусорное ведро и вышел из квартиры.

На лестничной площадке было необыкновенно светло. Сосед снизу, которого Семён Аркадьевич терпеть не мог последние восемь лет из-за дрели, стоял у окна и кормил голубей.

— Доброе утро, — сказал сосед.

Семён Аркадьевич хотел пройти мимо. Потом остановился.

— Скажите, Пётр Ильич, а вы чего всё сверлите по воскресеньям?

Сосед удивился.

— Я не сверлю уже два года.

— Как два года?

— Так. У меня инсульт был. Рука теперь не держит дрель.

Семён Аркадьевич посмотрел на него. Потом на голубей. Потом выбросил мусор и вернулся домой пешком, хотя лифт работал.

В тот день он не пошёл на службу. Позвонил начальнику и сказал, что заболел. Это была неправда, но почему-то одна из самых приятных неправд в его жизни.

Он гулял с женой. Они купили пирожные. Зашли в парк. Посидели на скамейке.

Лидия Павловна рассказала ему историю, которую пыталась рассказать ещё в прошлом году, но тогда Семён Аркадьевич попросил не мешать ему смотреть новости.

Вечером он впервые за много лет заметил, что из их окна видно закат.

Ночью портфель всё ещё лежал в прихожей. Семён Аркадьевич заглянул внутрь. Вторник исчез. Он испугался. Подбежал к календарю. Там после понедельника стоял вторник. Совершенно обычный. Ничем не примечательный.

Семён Аркадьевич вернулся в спальню.

— Лида.

— Ну что ещё?

— Кажется, завтра будет.

— Что?

— Завтра.

— Было бы удивительно, если бы не было.

Семён Аркадьевич лёг и выключил свет. В прихожей что-то тихо щёлкнуло.

Утром портфеля не оказалось. Зато на табуретке лежала записка: «Вторник выдан. Расходовать без гарантии возврата». Семён Аркадьевич прочитал её дважды. Потом аккуратно положил в карман и пошёл будить жену. Ему почему-то совершенно не хотелось тратить вторник одному.

Правильно жить...

Аркадий Петрович считал, что люди неправильно ходят. Особенно его сосед Лёва.

Лёва ходил быстро, иногда перепрыгивал через две ступеньки, забывал надеть шапку и однажды вышел из дома в разных носках.

Аркадий Петрович наблюдал за ним из окна и страдал.

— Так нельзя жить, — говорил он своему фикусу. Фигус ничего не отвечал, потому что был воспитан лучше Лёвы.

Однажды Аркадий Петрович решил Лёву исправить. Он купил толстую тетрадь и написал на обложке:

«Как правильно жить. Практическое руководство для Льва Семёновича».

Первая глава называлась «Пунктуальность». Аркадий Петрович писал её три недели и дважды опоздал на работу.

Вторая называлась «Порядок». Во время её написания он потерял паспорт, ключи и первую главу.

Третья посвящалась умеренности. Её Аркадий Петрович закончил ночью, съев восемнадцать конфет и банку маринованных грибов.

Наконец книга была готова. Аркадий Петрович позвал Лёву.

Лёва пришёл ровно в семь. Аркадий Петрович открыл ему через двадцать минут, потому что не мог найти брюки.

— Я хочу кое-чему тебя научить, — сказал он.

— Хорошо, — сказал Лёва.

Они сели за стол. На столе лежала книга. Рядом лежал фикус. Фигус лежать не должен был, но утром Аркадий Петрович случайно его уронил и пока не успел поднять.

— Начнём с порядка, — сказал Аркадий Петрович.

В этот момент из шкафа выпала кастрюля. За кастрюлей выпал ботинок. За ботинком вышла небольшая белая коза.

Аркадий Петрович замолчал.

— У тебя коза в шкафу, — заметил Лёва.

— Я вижу.

— Давно?

— Впервые.

Коза прошла через комнату, съела угол книги и легла возле фикуса.

— Продолжим, — сказал Аркадий Петрович. — Человек должен контролировать свою жизнь.

Тут зазвонил телефон. Звонила бухгалтерия. Оказалось, Аркадий Петрович третий месяц забывал передавать показания какого-то счётчика, о существовании которого прежде не подозревал.

Пока он разговаривал, Лёва поднял фикус, собрал землю, поставил на место кастрюлю, закрыл шкаф и нашёл под диваном паспорт Аркадия Петровича.

— Вот, — сказал он.

Аркадий Петрович посмотрел на паспорт. Потом на Лёву. Потом на книгу. Коза как раз доела главу «Ответственность».

— Допустим, — сказал Аркадий Петрович, — с порядком сегодня не лучший пример. Перейдём к отношениям с людьми. Ты слишком резок.

— Возможно.

— Надо уметь слушать.

— Хорошо.

— Например, ты постоянно перебиваешь.

— Я...

— Вот! Уже перебил.

Лёва закрыл рот. Аркадий Петрович следующие сорок минут объяснял ему, как важно давать другому человеку возможность высказаться.

Лёва молчал. Потом Аркадий Петрович сказал:

— Что скажешь?

— Можно?

— Конечно.

— Я сегодня пришёл сказать, что хозяин квартиры хочет тебя выселить.

Аркадий Петрович побледнел.

— Почему?

— Три месяца звонит тебе.

— Он мог сказать прямо!

— Говорил.

— И что я?

— Ты объяснял ему, что людям надо быть терпеливее.

За окном в этот момент прошёл человек с лестницей. Лестница была длиннее человека и поэтому выглядела гораздо увереннее своего хозяина.

Аркадий Петрович подошёл к зеркалу. До сих пор зеркало показывало ему приличного мужчину пятидесяти двух лет, который многое понял о жизни. Теперь оно почему-то показывало человека без одного носка.

Аркадий Петрович посмотрел вниз. Действительно. Носка не было.

— Странно, — сказал он.

Лёва пожал плечами.

— Наверное, ушёл.

Аркадий Петрович снова посмотрел на книгу. Коза уже добралась до главы «Самодисциплина». Он хотел её прогнать, но подумал и не стал. Вместо этого сел напротив Лёвы.

— А ты почему сегодня в разных носках?

Лёва посмотрел на ноги.

— Потому что второй такой порвался.

— И тебе не стыдно?

— Нет.

— Почему?

— Я его зашил.

Лёва снял ботинок. Носок действительно был аккуратно зашит.

Аркадий Петрович вдруг почувствовал неприятное движение внутри головы. Как будто там стоял шкаф и кто-то впервые открыл дверцу. Из шкафа посыпались советы.

«Надо быть собранным».

«Надо думать о будущем».

«Надо слышать людей».

«Надо отвечать за свои решения».

Советов оказалось столько, что под ними почти не было видно самого Аркадия Петровича.

— Лёва, — спросил он, — а зачем ты вообще меня слушал?

— Было интересно.

— Что именно?

— Сколько времени человек может объяснять другому, как правильно жить, прежде чем заметит козу в собственном шкафу.

Аркадий Петрович посмотрел на козу. Коза посмотрела на него. Потом выплюнула последнюю страницу книги. На странице сохранилась одна фраза: «Начните с окружающих».

Аркадий Петрович взял карандаш, зачеркнул последнее слово и написал сверху: «с себя».

Лёва заглянул ему через плечо.

— Теперь лучше.

— Ты думаешь?

— Не знаю. Я же не собираюсь тебя учить.

И тут Аркадий Петрович впервые за много лет не нашёл, что ему возразить.

Коза встала и ушла в шкаф. На этот раз Аркадий Петрович пошёл за ней. Ему стало интересно, что ещё там лежит.

Комната, в которой никто не жил

В доме местье Валена была комната, куда он никогда не входил.

Дверь находилась в конце коридора, между ванной и кладовой. Ничего примечательного: тёмное дерево, латунная ручка, замочная скважина. Только ключ всегда лежал у Валена в кармане, даже ночью, даже когда он спал.

Жена спрашивала:

— Что там?

— Ничего.

Это было правдой. Именно поэтому комната пугала его.

Человек способен примириться почти со всем, если предмет страха имеет форму: болезнь, долг, измена, смерть. Но ничто, запёртое за дверью, быстро становится больше самого дома.

Вален работал нотариусом. Он любил точность, белые рубашки и людей, которые приходят вовремя. Каждый вечер он ужинал в восемь, выпивал один бокал вина и целовал жену в лоб перед сном.

Соседи считали его счастливым. Он тоже.

До тех пор, пока однажды ночью из комнаты не донёсся смех.

Вален проснулся. Жена спала рядом.

Смех повторился. Тихий, почти детский. Он вышел в коридор. За дверью было тихо. Вален положил ладонь на дерево. Дверь оказалась тёплой. Он отдернул руку. Утром решил, что ему приснилось.

Через два дня из комнаты пахнуло морем. Потом табаком. Потом кровью. Потом духами женщины, имя которой Вален запретил себе вспоминать двадцать лет назад.

Он перестал проходить по коридору. Ходил на кухню через гостиную. В ванную попадал через спальню.

Жена смотрела на него с раздражением.

— Может быть, откроешь наконец?

— Зачем?

— Чтобы узнать.

— Я и так знаю.

— Что?

Вален промолчал. В этом и заключалась проблема. Он знал. За дверью находилось всё, чему он однажды сказал нет. Не потому, что не хотел. Потому что хотел слишком сильно. Город, куда он собирался уехать в двадцать пять. Женщина, с которой хотел исчезнуть. Кар-

тины, которые писал по ночам и однажды сжёг. Разговор с отцом, которого так и не произошло. День, когда он собирался бросить университет. Утро, когда мог попросить прощения. Он запирает туда каждое желание, которое мешало быть человеком, удобным для собственной биографии.

С годами комната становилась тесной. Иногда по ночам дверь дрожала. Вален прижимал ладонь к ключу в кармане и чувствовал странное удовлетворение. Он всё ещё контролировал замок.

Однажды вечером жена ушла. Очень просто. Поставила чемодан у двери и сказала:
— Я больше не хочу жить рядом с человеком, который всю жизнь сторожит самого себя.

Вален усмехнулся. Фраза показалась ему театральной.

Через час он понял, что в квартире стало слишком тихо.
Через два — что жена не вернётся.
Через три — что... дверь в конце коридора открыта.

Он замер. Ключ всё ещё лежал в его кармане.

Из комнаты шёл свет. Вален подошёл.

Внутри действительно ничего не было. Голые стены. Пыль. Окно. Стул. На стуле сидел он сам. Только моложе. Лет двадцати.

Юноша был худ, наг, испачкан краской и смотрел на Валена с таким отвращением, что тот не выдержал.

— Что ты хочешь?

Юноша засмеялся.
— Теперь уже ничего.
— Тогда зачем ты здесь?
— Я ждал тебя.
— Сколько?
— Всю твою жизнь.

Вален почувствовал ярость.
— Я сделал всё правильно.

Юноша пожал плечами.
— Именно.

Это слово ударило сильнее оскорбления. Вален хотел перечислить всё, чего добился. Дом. Работу. Деньги... Но вдруг понял, что перечисляет вещи, которые можно показать чужому человеку. Ни одна не могла объяснить ему самому, зачем он жил.

— И что теперь? — спросил он.

Юноша встал. Подошёл к окну.

Снаружи была ночь.
— Теперь ничего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.